УДК 82-3; 93/94
5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

А.С. Красильников
Вологодский государственный университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИЗУЧЕНИИ МЕНТАЛЬНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: ПЕРВЫЕ ПРОЛЕТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ ВОЛОГДЫ ПИШУТ НОВУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

В статье представлена попытка создания методологической основы использования художественной литературы в исторических исследованиях ментальности общества. Разделяя ментальность на определенные аспекты, автор показывает, как малые формы художественной литературы (газетная поэзия и проза) демонстрируют особенности мироощущения людей прошлого. Применение такого подхода показано на изучении общества Европейского Севера России (преимущественно Вологды) через художественную литературу, публикуемую в газетах, журналах и сборниках.

Ментальность, художественная литература, 1920-е годы, НЭП, газеты, память, ценности, идеалы, ориентиры.

Исследование ментальности людей провинции 1920-х годов обусловлено необходимостью более глубокого понимания социально-культурных и метафизических трансформаций, происходивших в послереволюционной России. Провинция, как часть общего процесса кардинальной перестройки жизни, имела свои особенности развития и восприятия новых реалий, что отражалось в ценностях, нормах и мировоззрении местных жителей. Изучение ментальности позволяет не только реконструировать исторический контекст, но и понять внутренний мир людей того времени, их страхи, надежды и сопротивление новым условиям. Важность этого исследования возрастает при использовании разнообразных источников, включая художественную литературу [28].

В последние годы историки все большее внимание уделяют так называемой «малой истории»: истории повседневности, социокультурным аспектам истории, истории личности, быта и, в особенности, ментальности. Именно в таких исследованиях художественная литература дает историку множество возможностей для исторического познания.

Любые, в том числе и художественные, литературные произведения отражают не только заложенный автором или авторами посыл и сюжет, но и огромное количество контекстуальных факторов исторической эпохи, в которых создавалась работа. С ее помощью можно вычленить совершенно иные грани реальности, чем при анализе более традиционных письменных источников. Любое произведение, любой продукт творческой деятельности неотрывен от контекста времени, когда оно создается. Контекст – картина мира, то есть все аспекты мировоззренческой, эмоциональной, психологической, социокультурной жизни вокруг автора произведения, которые детерминированы его жизненным опытом и особенностями творчества, находят свое непосредственное отражение в конкретном произведении [25].

Изучение ментальности людей 1920-х годов является ключевой частью комплексного понимания общественной жизни в провинции. Оно способствует более точному воспроизведению социальной динамики и культурных особенностей региона, а также расширяет возможности интерпретации художественных источников как важного компонента исторического знания. Особое значение в контексте изучения социокультурной жизни имеют малые жанры художественной литературы – рассказы, стихи, фельетоны, публицистические заметки, публикуемые в местных газетах. Эти жанры отличались доступностью, оперативностью и непосредственностью передачи информации, что делало их важным источником для понимания настроений, идеалов и проблем того времени. В условиях ограниченности официальных источников и цензуры художественная литература малых жанров зачастую становилась своеобразным зеркалом общественной жизни, позволяя проследить за изменениями в социальной структуре, культурных практиках и массовых настроениях. В таких изданиях чаще всего публиковались первые провинциальные пролетарские поэты и писатели. Их творчество представляет собой уникальный источник для анализа идеологических установок, образов жизни и культурных практик рабочего класса и крестьянства.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью более глубокого понимания роли художественной литературы как исторического источника в изучении формирования социокультурной картины 1920-х годов. Особенно это важно при изучении региональных особенностей развития советской культуры. Исследование содержания и формы художественной литературы малых жанров 1920-х годов на примере Вологды позволяет не только расширить представление о культурной жизни региона в этот период, но и внести вклад в развитие методов использования художественных текстов как источни-

ков по истории социокультурных процессов. Это способствует более комплексному восприятию исторического опыта эпохи революции и Гражданской войны, а также помогает понять механизмы формирования массового сознания в условиях социалистической трансформации общества.

Нами был изучен массив литературных произведений авторов Европейского Севера России 1920-х годов, выходивших в периодической литературе (газета «Красный Север», журнал «Красные всходы» и др.) и отдельными изданиями. Главным принципом для выбора литературы являлось разнообразие тем для творчества, злободневность работ, их наглядность в отображении общественной жизни изучаемого периода. Отбирались работы, воспроизводившие мысли и ощущения авторов об окружавшей действительности, их надежды и опасения. Так мы определили, что художественная литература позволяет выделить некоторые грани ментальности представителей эпохи. Речь идет о двух группах аспектов: темпоральных, в которые входят черты ментальности, определяющие положение индивида и общества во времени; и аксиологических, которые определяют ценностные установки общества, а именно идеалы, ориентиры.

Темпоральные аспекты – память о прошлом, осмысление настоящего и представления о будущем – служат ключом к пониманию того, как общество воспринимает свою историческую судьбу, какие уроки извлекает из прошлого, каким образом реагирует на текущие вызовы и какие сценарии развития предполагает. Художественная литература в этом контексте выступает как зеркало времени, отражая внутренний мир людей, их надежды и тревоги.

Аксиологические аспекты – эстетика, идеалы и ориентиры – позволяют понять ценностные приоритеты эпохи: что считается прекрасным и достойным в искусстве, какими моральными принципами руководствуется общество и к каким целям оно стремится. Эти компоненты формируют систему духовных ориентиров, определяющих развитие культуры и социальной практики.

В контексте 1920-х годов художественная литература указывает на два процесса в памяти людей: сакрализацию революционного прошлого и критику, очернение прошлого царизма. Так, к примеру, в 1926 г. Е. Студенецкая, вологодская поэтесса из группы «Борьба», пишет стихотворение «Матери», с такими строчками: «Хоть сброшен груз, висевший на плечах... / Ужели ты была на баррикадах, / Такая тихая и скромная сейчас?... / И по этапу – даже странно, право / Попала ты в далекий дикий край. / Вас губернатор вежливо направил: / “Идите, стройте там свой красный рай!”» [23]. В произведении воспеваются революционеры прошлого, прошедшие через царские застенки, что преобладает над традиционным мотивом благодарности матери. В строках стихотворения образ революционерки побеждает образ мамы. Отметим, что произведение автобиографично – Евгения Студенецкая родилась в семье ссыльных. Строки «И как бы то ни показалось больно, Жизнь – это долг, что нужно оплатить. / И только в ссылке, отдыхе невольном, Вы находили время полюбить» описывают восхищение поэтессы отношениям родителей, зародившимися в тяжелых условиях ссылки.

Возвеличивание революционного прошлого – важнейший мотив поэзии 1920-х годов. Революция для многих литераторов двадцатых годов – это тема центральная, то событие, с которого зарождался новый мир. При этом речь часто идет не только о 1917 г., а о революции как музе, как политическом явлении. Примером могут служить строчки С. Панкратова из стихотворения 1924 года «1871 г.», посвященного Парижской коммуне: «В весенний день они вошли в Сен-Клу / И ворвались через ворота в город. / И пал Монмартр, – и горы, горы трупов... / И новых битв, и испытаний год. / Затихла песнь, и снова тихо, тихо. / На Пер-Лашез замолк последний звук, / И красный стяг в кровавом, страшном вихре / Упал к ногам из побледневших рук» [19].

Осмысление событий Первой мировой и Гражданской войны также является важной частью общественной памяти о событиях, не столь отдаленных во времени. В рассказах второй половины 1920-х годов публиковавшихся, например, в сборниках вологодских литературных групп «Борьба» и «Спайка», несколько раз повторяется сюжет рассказа о Гражданской войне. В нем красноармеец оказывался один на территории белых или бежал из плена, встречал бесчеловечного неприятеля, а в финале его спасала Красная армия. Такие эпические зарисовки служат делу героизации советской армии.

Среди публицистического наследия встречаются рассказы об отправке на фронт, с описаниями того, как добровольцы пролетарии уезжали на войну – в них авторы говорили о сплоченности народа перед лицом опасности революционных завоеваний. Распространенными были произведения с сюжетом самопожертвования. Отдельно стоит выделить рассказы А. Тарасова о Первой мировой войне. Основная идея в этих работах – бессмысленность «царской войны», гуманизм. Главный персонаж рассказа «Ниточка бус», убив австрийца, замечает сплетенные ребенком бусы, зажатые в руках врага. Герой горько сожалеет об этом и говорит: «Я этого никогда себе не прощу» [26].

Другое направление сохранения памяти – отрицание и критика прошлого. В художественной литературе Вологды эти процессы проявлялись через образцы исторической реконструкции и создание гротескных образов. Так, основной удар критики прошлого приходился на так называемых «бывших», то есть на категории общества, что потеряли привилегированный статус после Октябрьской революции. Например, произведение В. Соколова «Под откос» (1927 г.) [22] повествовало о бывшем жандарме Палкине, читающем советскую газету и с ненавистью смотрящем на демонстрации. Быт бывшего офицера описан очень гротескно, со злым высмеиванием. Общий смысл произведения прост – тем, кто служил царизму, обрел положение в обществе благодаря режиму, не место в новом мире. Другой пример – отрицание старых традиций. Так, в рассказе С. Павлова «Джигитовка» (1927 г.) [18] описан отвратительный образ пьяного, жестокого и глупого казака, чуть не убившего своего

внука из-за желания выслужиться и следовать традициям казачества.

Осмысление настоящего – следующий важный аспект ментальности. Он связан с тем, как общество воспринимало текущий момент времени – его социальные, культурные и политические реалии. В художественной литературе он может проявляться через образы современности, конфликты и насущные проблемы, анализ «повестки дня». Анализируя произведения этого периода, можно выявить доминирующие идеи, настроения и отношение к текущим вызовам. Это помогает понять уровень социальной ответственности, надежды или отчаяния в обществе.

Самая популярная тема произведений в начале 1920-х годов была связана с голодом в Поволжье. Особая ее распространенность была явно обусловлена и политическим заказом. Каждая газета печатала художественное осмысление ситуации с призывами помочь голодающим. Писатели и поэты выпускали сборники [24] с целью активизировать население на помощь пострадавшим регионам. В. Адский – фельетонист нескольких газет, писавший сатирические и юмористические зарисовки о НЭПе, не остался в стороне и создал по-своему пугающее стихотворение «Голод» (1922 г.): «Голод лют. Он безжалостно косит, / Стариков, молодых и детей. / Каждый день сотни жизней уносит... / Голод лют... Он всех пыток страшней. / Он бредет по полям и селеньям… / Тенью, – смерть за ним следом спешит... / Стоны, хрипы предсмертных мучений... / Голод лют. Никого не щадит / Крик безумных... Сироток рыданья… / В след за голодом долго звучат… / Долго слышатся чьи-то стенанья... / И «На помощь», – кому-то кричат» [1].

Другими важными аспектами «настоящего» для писателей были стремительная урбанизация губернии и противостояние города и деревни. Литература демонстрировала доминирование города над деревней и призывала к тому, чтобы «село училось у города», рисовала пороки деревни в сравнении с благами города. Эти произведения хорошо демонстрируют проводившуюся в 1920-е годы политику «смычки города с деревней». В фельетоне 1922 г. «Базарные диалоги» автора, скрывающегося под псевдонимом «Курилка», писавшего для газеты «Вологодская жизнь» [15], это обыграно в сатирическом ключе: «Давно уж враждуют между собой два диких племени: “Деревня” или по прозвищу “чумазые” и “город”, по прозвищу “кургузые”. <…> Чаще налетают “чумазые”. Налетит этакая орда, ударит по “кургузым”, смотришь, и пройдет, как, “чумазые” уж волокут в свой лагерь изрядную контрибуцию. На стороне, “чумазых” – преимущество в физической силе и крепости нервов, – потому военное счастье чаще улыбается им».

Осмысление настоящего выражалось и в бытовых зарисовках. Рассказ Б. Иванова «Лицензии» (1926 г.) [9] об экзистенциальных размышлениях человека, в которых он приходит к выводу, что все кругом «шаблон». Герою наскучили будни и весь его быт, он пессимистично заключает, что живет чужие жизни. Однако, повстречав и влюбившись в девушку, протагонист обретает новые смыслы жизни. В посвященных любви произведениях также встречается много «духа эпохи». К примеру, в рассказе А. Козлова «Кинотрагедия» (1926 г.) о желании девушки быть с тем, кто «такой же герой как Гарри Пиль» [13] из кинофильмов. Тем самым автор критикует популярность зарубежных кинофильмов у населения и их влияние на общество.

В повести великоустюгского писателя Л. Доброумова (Домбийского) «В звериных когтях (Голодовка)» (1922 г.) [6] особенным образом пересекаются многие темы, волнующие его современников. Сюжет повествует о солдатах Красной армии, попавших в польский плен и решившихся на голодовку. В повести красочно описаны ужасы заключения, жестокость поляков, страдания красноармейцев. Мы находим здесь и осмысление советско-польской войны 1920–1921 годов, и воспевание жертвенности и силы духа Красной армии, а также очередное напоминание читателям о страшной участи нуждающихся.

Важным аспектом провинциальной литературы были представления о будущем – какие сценарии развития общество предполагает или желает реализовать. В произведениях с прогностическими мотивами отражаются мечты, страхи и надежды социума относительно своего развития. Политика в 1920-е годы определяла вектор на строительство коммунизма. Представления о нем у разных категорий народных масс отличались, что и проявлялось в художественной литературе.

Одним из любопытных воззрений на коммунизм была философия биокосмистов, весьма популярная на рубеже 1910–1920-х годов. Биокосмизм ставил целью достижение человеком максимальной свободы личности, вплоть до свободы передвижения в космосе, влияния на материю и бессмертия. По представлениям философов этого течения, человек должен уметь управлять Вселенной и временем, воскрешать умерших людей, быть подобным Богу [27].

В литературе Русского Севера присутствовали произведения, близкие по духу к биокосмизму. Так, в сборнике 1924 г. «Пламень» И. Булатова [2, с. 54] встречаются следующие строки: «Выше неба! Межзвездью привет! / На земле – голубые сады, / Сорок лет – торжествует Совет / Через год запоют канонады! Строка «сорок лет торжествует Совет» показывает уверенность автора в прочности советской системы. Элементы биокосмических представлений есть и у П. Козлова в зарисовке «Рождение коммунара» (1923 г.) [14]. В аллегорическом поэтизированном рассказе говорится о Коммунаре – всесильном боге нового мира, рожденном в кузнице, цель которого – нести освобождение народам под красным стягом. Его рождению тщетно препятствовали некие «темные силы» – вероятно, по задумке автора, это капитал, несправедливость, невежество: «Иди к угнетенным в темницы, в глухие деревни, на доки, на фабрики и заводы, и неси с собой счастье! А Темные Силы все выли: – О, горе, горе нам! Близко рождение коммунара! …в красном пламени, в искрах огня предстал Коммунар. Молодой и сильный, как юный бог. – “Я пришел, – сказал он, – где заветы ваши?” “Вот завет наш, – сказал Мудрец и подал ему красное знамя, – иди к людям – братьям п помни: это красное знамя соткано из чистейшей крови угнетенных…”».

Однако чаще встречались более прозаические представления о будущем. В журнале «Красные всходы» печатался фантастический рассказ И. Кедровского «Последний бой» (1923 г.) о войне будущего: пролетарской, мировой [12]. Сюжет рисует последние этапы этой войны, когда объединенный Советской страной мир побеждает капиталистическую Америку. Представления о мировой революции, популярные в это время, явно способствовали подобным сюжетам.

Популярен в произведениях о будущем образ «Мировой коммуны». Так, в рассказе того же автора «Оживленный металл» (1923 г.) [11] политический строй грядущего вырисовывается из следующих строк: «Эти события, <…>, относятся к первой половине 2055 года; то есть спустя ровно пятьдесят лет со дня окончательного, оформления “Союза Народов” и укрепления “Единых Европейских Штатов Труда”».

Представление об оптимистичном и созидательном будущем находим в рассказе архангельского писателя А. Зуева «Человек победит!», опубликованном в сборнике архангельского отделения Госиздательства «Последний из Царей» (1921 г.) [8]. В рассказе описываются времена, когда технический прогресс человечества добился возможности управления погодой с помощью предприятий «Главдождь» и «Главветер» и также полной механизации сельского хозяйства. В идиллической грядущей эпохе отсутствуют голод и беды. Пафос рассказа и его название отсылают к вере автора в преодоление кризисов его времени.

Таким образом, три вышеназванных темпоральных аспекта образуют динамическую систему восприятия времени в ментальности общества: прошлое формирует базу для настоящего, а настоящее – платформу для будущих ожиданий. Художественная литература служила важным источником для выявления этих аспектов, благодаря своей способности передавать внутренний мир людей и их коллективные представления о времени.

Перейдем к аксиологическим аспектам ментальности.

Идеалы – это ценностные установки, к которым стремится общество или отдельные его представители. В литературе они могут воплощаться в описании человеческих качеств, характерных для лучших представителей эпохи, а также моральных ценностях или концепциях справедливости и добра. Художественная литература подсказывает, что в 1920-е годы основными идеалами личности и общества были следующие категории: противостояние, молодость, революция.

Идеалы противостояния с Западом, идея мировой революции очень важны для писателей 1920-х годов. В качестве примера можно выделить поэму И. Булатова «Труд и Капитал» (1922 г.) [4], где Труд и Капитал ведут диалог, и Капитал, к примеру, заявляет: «Весь мир я держу в золотом кулаке, / Мне труд повинуется вечно: / Держава моя – суть подобна реке / С волнами покорно – безпечным…/»[1]. Такая дихотомия будет сопровождать всю советскую литературу.

Идеалы молодости противостоят образам стариков, оплакивавших старую жизнь. Молодые комсомольцы стремятся отринуть все былое как в строках стихотворения 1921 г. Д. Герасичева: «Шире дорогу юности свободной! / Прочь все преграды с нового пути! / Юность стремится мечтою залетной / К новому, чудному смело идти» [5, с. 11]. Смежными по смыслу с дихотомией молодость – старость являются образы борьбы старого порядка с новым, противостояния революционного, быстрого, резкого роста стабильности, стагнации. Образам движения, оптимизма, жизнелюбия, активности противопоставлены тоска, фатализм и инертность, как в строках стихов Ивана Булатова: «Люблю борьбу и дух Творенья, / И пламень – знаменье времен, / В огне всеобщего кипенья / Я для нее одной рожден / – Люблю я мир, пропитанный борьбою, / Его полет, волнующий простор... / Я говорю по дружески с судьбою, / Веду с веками громкий разговор» [2, с. 32].

Пафос революции – ведущий в творчестве писателей первой половины 1920-х годов. Интересно, что в произведениях этого периода мы очень часто видим кочующий из работы в работу образ молота, символизировавший «перековку» старого мира в новый: «Душа ее полна желанья, / Под силу молот трудовой» [5, с. 6], «Постой, товарищ... дай мне молот. / Ты отдохни, присядь... устал. / Рука зудится... я ведь молод, / Скорее выброшу закал» [24, с. 14], «Посмотри! – сказал мне молот / Подымаясь, чтобы падать. Вон курчавый силен, молод. / Мой забойный – он несчастен!» [10], «Слова и молот – ведь те же шпаги, / И труд – в грядущее прорыв» [3].

В первой половине 1920-х годов образ кузнеца занимал видное место в творчестве пролетарских поэтов-вологжан. Кузнец и его инструменты олицетворяли созидательный, тяжелый, ритмичный труд по постройке, перековке старого мира в новый, справедливый и прекрасный. Воспевание молота, горна, наковальни, стука, огня, творения встречались практически в каждом сборнике стихов до 1925 г. Иной по темпу, но близкий по смыслам – образ засеянных семенами полей, возделанной земли, пашни – также отсылает к тропам рождения, взращивания всего нового на обломках старого. Так, в сборнике Д. Герасичева «Юность борьба» 1921 г. из 16 произведений эти образы встречаются в 10 стихотворениях. В сборнике «Поросль» [21] 1923 г., куда вошли стихи А. Субботина, И. Булатова, С. Панкратова и Х. Белозерова, из 26 произведений идеалы построения нового встречаются в 13. Тенденция использования этих созидательных образов кузнеца, пашни, молота – общероссийское явление, явно вдохновленное преобразованиями революции.

Ориентиры – это те образы людей, к которым индивиды должны были стремится. В 1920-е они были представлены образами пролетария, крестьянина и эмансипированной женщины.

Особенно примечательно образ рабочего раскрывается в творчестве И. Булатова. В уже упомянутом сборнике «Пламень» приводятся такие строки: «Завод – моя муза, / Рабочий – пегас / Рубанок и блуза / С иконою спас», а в «Песне рабочего»: «Впереди, Позади / Труд и труд вековой. Он – седой, Молодой, / Труд – отец мировой. / Мой станок, Молоток – / Часть

[1] Орфография оригинала сохранена.

седого юнца. / Мой удар – / Весь пожар, / Греет наши сердца» [2, с. 19].

Труд был одним из центральных образов в аксиологической картине мира СССР. Рабочий и крестьянин, труженики-производители являлись важнейшими фигурами культуры. Эти произведения романтизируют труд, возводят станки, фабрики и заводы в некий культ, символ новой жизни. Не раз повторяющийся художественный прием в таких рассказах – олицетворение гудка завода – как он будит рабочих, зазывает их, поет им.

Воспеванию труда посвящено стихотворение 1930 г. Б. Непеина «Октябрьская лирика» [16]: «Подводы проселком идут на ссыпной, / До ночи струится зерно в элеватор. / Натруженный транспорт гудит над страной: – / цистерн и вагонов у нас маловато!.. / Высокая лирика Будничных дел... Разбитые шквалы бегут, как повстанцы, / И там, где ветряк бесшабашно свистел, – / Размеренный гул электрических станций!»

Активнее произведения о труде издаются во время первых пятилеток. В духе воспевания созидания написана поэма А. Пестюхина «Марш машин» (1929 г.): «Спины не сгибать – руки не ломать / Мы входим в новые века / В стране труда – рука тверда / Комбайн и человек!» [20].

Произведения о новой роли женщины делают упор на то, что в советском государстве женщины занимают равное мужчинам положение. Героини рассказов – юные девушки, третируемые злым мужем/отцом/консервативной матерью или же одинокие с маленьким ребенком (отчего выпавшие из социума) – знакомятся с «комсомольцем из города» и меняют свое мировоззрение, занимают «активную жизненную позицию», вступают в комсомол, работают в партийных ячейках «по женской части». В рассказе А. Зобнина «Две Дуньки» (1926 г.) [7] это показано особенно ярко – одна девушка работает по женской части в партии, счастлива, умна, популярна, а вторая – ленива, держится наставлений «старой» матери, несчастлива и глупа.

В сборнике «Брызги» (1927 г.) Б. Непеина есть стихотворение «Делегатка» [17]: «Рабфак, кружки, ячейка, клуб / (Часов нехватка – вот досада!) / И радость, схваченная взглядом / В минутной встрече на углу. / А ведь любовь – не в счет нагрузки, / Какое ж время ей отвесть?... / Растеребивши ворот блузки, / Напишет пару строчек узких: / «Сегодня. Без четверти шесть!»

Таким образом, образы и сюжеты в провинциальной литературе четко отражают настроения эпохи. Анализ ментальности общества через художественную литературу представляет собой важнейший метод исследования культурных и духовных особенностей определенной исторической эпохи. В ходе исследования особое значение приобретает системное рассмотрение как темпоральных, так и аксиологических аспектов, поскольку именно они позволяют выявить внутренние ценностные ориентиры, представления о времени и пространстве, а также эстетические и моральные идеалы, формировавшие общественное сознание.

Стоит отметить, что художественные произведения больше отражают ментальность только части общества – художественной интеллигенции: журналистов, писателей, поэтов, которые в 1920-е годы были представлены выходцами из разных сословий, в том числе и самого массового – крестьян (А. Козлов). Тем не менее, в их творчестве не мог не отразится тот «дух эпохи» и настроение всего общества. При изучении ментальности через литературу важно помнить, что ее автор – не совокупность общественных настроений и воззрений, но представитель части общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адский, В. Голод / В. Адский // Красный Север. – 1922. – 6 января. – С. 3
2. Булатов, И. П. Пламень / И. П Булатов. – Вологда : Госцентртипография, 1924. – 77 с.
3. Булатов, И. П. Я пою / И. П Булатов. – Вологда : Гос. центр. тип., 1922. – С. 5
4. Булатов, И. П. Труд и капитал / И. П. Булатов // Красные всходы. – 1922. – Декабрь. – С. 16–17.
5. Герасичев, Д. Юность и борьба / Д. Герасичев. – Вологда : изд. юношь. отд. Вологод. Губотделения Госиздата, 1921. – 29 с.
6. Доброумов, Л. В звериных когтях (Голодовка) / Л. Доброумов. – В.-Устюг : Сов. мысль, 1922. – 45 с.
7. Зобнин, А. Две Дуньки / А. Зобнин // Красный Север. – 1926. – 11 апреля. – С. 9.
8. Зуев, А. Человек победит! / А. Зуев / Последний из царей : Литературный сборник в пользу голодающих Поволжья. Изд. группы Арханг. литераторов. – Архангельск : Гос. изд-во, Архангельск. отд., 1921. – С. 11–14.
9. Иванов, Б. Лицензии / Б. Иванов // Красный Север. – 1926. – 25 апреля. С.6
10. Кедровский, И. Весенние звоны / И. Кедровский. – Вологда : Тип. проф.-техн. шк. Полигрф. пр-ва, 1922. – С. 5.
11. Кедровский, И. Оживленный металл / И. Кедровский // Красные всходы. – 1923. – Февраль – март. – С. 3–9.
12. Кедровский, И. Последний бой / И. Кедровский // Красные всходы. – 1923. – Апрель. – С. 15–21.
13. Козлов, А. Кино-трагедия / А. Козлов // Северный альманах : литературно-художественный сборник северного объединения рабоче-крестьянских писателей. – Вологда : Спайка, 1926. – С. 99.
14. Козлов, П. Рождение коммунара / П. Козлов // Красные всходы. – 1923. – Январь. – С. 11–12.
15. Курилка. Базарные диалоги // Вологодская жизнь. – 1922. – 4 августа. – С. 3.
16. Непеин, Б. С. Северный ветер / Б. С Непеин. – Архангельск : Севкрайгиз, 1930. – С. 34.
17. Непеин, Б. С. Брызги / Б. С. Непеин. – Вологда : Борьба, 1927. – С. 15.
18. Павлов, С. Джигитовка / С. Павлов // Красный Север. – 1927. – 22 мая. – С. 6.
19. Панкратов, С. И. Звездные берега / С. И. Панкратов. – Вологда : Типолитогр. «Северный печатник», 1924. – С. 15.
20. Пестюхин, А. С. Марш машин / А. С. Пестюхин // Красный север. – 1929. – 27 декабря. – С. 4
21. Поросль : стихотворения / Х. Белозеров, И. Булатов, С. Панкратов, А. Субботин – Вологда : Товарищеское издание, 1923. – 47 с.
22. Соколов, В. Под откос / В. Соколов // Красный Север. – 1927. – 19 июня. – С. 6
23. Студенецкая, Е. Н. Матери / Е. Н. Студенецкая / Словом пламенным : пролетарские поэты Севера, 1917–1927 / составитель А. В. Шабунин. – Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1978. – С. 80

24. Субботин, А. А. Алое – в помощь голодающим Поволжья / А. А. Субботин, С. Сухонин. – Вологда : Гос. изд-во. Вологод. отд-ние, 1921. – 31 с.

25. Суминова, Т. Н. Текст и контекст художественного произведения: философско-культурологический анализ / Т. Н. Суминова // Вестник МГУКИ. – 2014. – № 5 (61). – С. 39–43.

26. Тарасов, А. И. Ниточка бус / А. И. Тарасов / Северный альманах : литературно-художественный сборник северного объединения рабоче-крестьянских писателей. – Вологда : Спайка, 1926. – С. 58

27. Ударцев, С. Ф. Биокосмизм / С. Ф. Ударцев / Русская философия. Малый энциклопедический словарь. – Москва : Наука, 1995. – С. 61–62.

28. Хакуй, М. А. Ментальность в художественном тексте: прагматический аспект / М. А. Хакуй // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2009. – № 1. – С. 1–3.

A.S. Krasilnikov

STUDYING THE MENTALITY OF PROVINCIAL SOCIETY THROUGH FICTION: THE FIRST PROLETARIAN WRITERS OF VOLOGDA WRITE A NEW REALITY

The article creates a methodological basis for using fiction in historical studies of the mentality of society. Dividing mentality into certain aspects, the author shows how small forms of fiction (newspaper poetry and prose) demonstrate the peculiarities of the worldview of people of the past. The author uses this approach to study the society of the European North of Russia (mainly Vologda) through fiction published in newspapers, magazines and collections.

Mentality, fiction, 1920s, NEP, newspapers, memory, values, ideals, guidelines.